



В ДЕКОРАЦИОННОМ зале шел просмотр самостоятельных работ актеров театра. Цель практическая: иметь концертную группу, компактную, подвижную и выявляющую многообразие возможностей коллектива театра при выездах на предприятия, корабли, в школы... Искрометного М. Зощенко сменял романтический А. Блок, берущего за душу В. Шукшина — сложный и поразительно современный А. Вознесенский, были «смех сквозь слезы» А. П. Чехова и язвительная ирония сегодняшнего Ф. Кривина...

«Комиссия» радовалась (в ней были руководители театра и часть актеров — членов художественного совета), прикидывала, в какой последовательности эти номера пойдут в будущей программе. И вдруг совершенно неконцертное выступление...

Актриса Галина Иванченко рассказывала комиссии о ранней средневековой (!) поэзии Японии. А потом читала «танка» и «хокку»:

[illegible]

Они, должно быть,
Старые друзья —
Коль так легко друг друга
Понимают.

Сейчас уже плохо что говорил каждый из комиссии на обсуждении, единодушно — «материал сложный, вряд ли «читательский», с эстрады непонятный...».

Теперь, спустя два года после того случая, я все больше думаю — а ведь права была актриса... Не знаю до сих пор — можно ли читать «танка» и «хёкку» с эстрады, не знаю — как их читать, чтобы это было интересно, понятно и заставило бы думать, но сам «выход» с этим «невыгодным» материалом — позиция. Это как у Маяковского:

...Немолод очень лад баллад,
Но если слова болят,
И слова говорят про то, что
болят,
Молодеет и лад баллад.

В первый раз я увидела актрису Галину Иванченко в спектакле по пьесе Исидора Штока «Божественная комедия».

Она играла сразу двух женщин, созданных для Адама Богом-творцом, и ту, первую, гордую и независимую, строптивую, с которой пришлось сразу же расстаться, и вторую — Вечную женщину — Еву. Как правило, актрисы играют в Еве наивность и женственность, обольстительность и нелогичность. У Галины Иванченко Ева настораживала — этакая милая кошечка, которая непременно выпустит свои коготки в нужный момент. Практичная и умная Ева — ее Ева просто притворялась дурочкой, потому что именно это позволяло ей без особых осложнений очень тонко и точно руководить Гигантом мысли — первым Мужчиной на Земле.

Потом... У Галины Иванченко наступил тяжелый период. Я раскрою наш очень горький секрет. «Наш» — потому что это беда не одной Галины Семеновны — все мы, актеры и актрисы, проходим тяжелый рубеж «перехода». Вот только что ты играла молодых и прекрасных женщин — и тебе верили, и ты сама верила в себя, и режиссеры тебе вверяли своих героинь, и вдруг началась полоса «ничего неделанья», обидных, иногда оскорбительных для тебя разговоров... И это еще больше, когда ты любишь не себя в театре, а театр в себе... Многие в таких случаях «сходят с лыжни», многим не хватает мужества, терпения и веры в себя, многие теряют себя в этой боли... И тогда кончается художник, по общей и своей собственной вине. Повторяю — это беда наша общая, и тут завидуешь людям, которые подобны тем, что в современной японской «хокку» Исикава Такубоку:

Есть люди, для которых все прекрасно. И то им хорошо, и это по душе. Когда бы эту легкость духа

Я не знаю запаса прочности
Галины Иванченко, но этот бо-
лезненный рубеж был и, я ду-
маю, что он, к чести актрисы,
мужественно пройден. В 1973
году на сцене нашего театра
появился спектакль по пьесе
бурмынского драматурга А. Ба-
ранга «Образумясь, Христо-
фор!». Ставил его молодой ре-
жиссер Г. Михайлов. Можно

Товарищ о товарище

**ВСЕТО,
ЧЕМ
ЖИВЕТ**

теперь спорить или соглашаться с теми, кто спектакль не принял, но одна актерская работа в нем была бесспорна для самых заядлых критиков. Это мадам Сава в исполнении Г. Иванченко.

Мне довелось наблюдать, какой сложный и мучительный для себя путь прошла актриса в этой работе, и поэтому особенно дорого, что это стало событием не только для Г. Иванченко. От неверия в себя, от постоянного нервного напряжения, когда мешает все — нечаянно вошедшие на репетицию люди, неверно понятое задание, руки, ноги, голос, — до полной раскованности и свободы существования именно этого человека, именно в этих предлагаемых обстоятельствах.

В книге кинорежиссера Г. Козинцева «Наш современник — Вильям Шекспир» есть такое определение работы в искусстве:

«...Труд художника — род докторства. Идет вовсе не кройка и примерка (из материала заказчика), на манер портновской, а переливание крови».

Потом, уже на спектаклях, стоя за кулисами, я иногда вдруг всерьез пугалась: а вдруг Галина Семеновна выйдет после спектакля и у нее так и останутся эта подпрыгивающая походка, птичьи повадки, этот низкий, почти на басах голос, этот полусумасшедший взгляд фанатично преданной любимому маэстро и его «великой» музыке секретарши. Не чуждаковатость, не нелепость нарядов изумляли в мадам Саве, поражали в этом решении образа глубинность мысли, сила чувств и удивительная точность пластики.

Не могу не остановиться еще на двух работах Галины Иванченко. Мне кажется, что надо обладать большим запасом человеческой ненависти к тому явлению в жизни, что называется «мурло мещанина», чтобы с такой остротой и откровенностью, без боязни вызывать к себе лично отвращение, играть роль Тузиновой в спектакле по пьесе А. Салынского «Барабанщица».

И еще одна «открытая странница» — образ Феклуши в спектакле по пьесе А. Н. Островского «Гроза». Стало традиционным, что Феклушу в «Грозе» играет непременно комедийная актриса. И «номер» этот — вроде как веселая передышка для зрителя в этой страшной жизни героев. Не так у Феклуши. — Г. Иванченко. Рассказ о «страстях» большого города — это не просто по-басенки невежественной до отупления странницы — это святые убеждения, это гипнотизирующая молитва, что «грядет» страшный суд — именуемый в переводе на современный язык прогрессом. Феклуша испступленно, доходящим до кликушества голосом молит бога, чтобы все это обошло их при жизни — и от этой страстности, от этой веры и убежденности становится страшно: действительное совершенно непробиваемая стена окружает Катерину.

Я рассказала далеко не все, что знаю и чувствую в этой роли. Для полноты картины надо бы еще рассказать, какой славный товарищ Галя Иванченко, какая она удивительная и хлопотливая хозяйка и хлебосол, рассказать о ее привязанности к своей маме, живущей в Одессе... О том, что она скромна и сдержанна, что она не всем направо и налево открывает свою душу, но если почувствует, что кому-то из нас необходимо «выложиться», — нет более терпеливого и внимательного слушателя.

Мне просто хочется, чтобы зрители немножко больше знали о нашем труде. Актриса Г. Иванченко — это очень подходящий пример сложного и настоящего Труда в театре.

Е. НЮХТИНА

Актриса Мурманского областного драматического театра.

Фото Д. Гельдермана.

